

Ильмир Амиров

СИНХРОНИЗАЦИЯ

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
А62

Амиров, Ильмир

А62 Синхронизация / Ильмир Амиров. — М. : Bookstart, 2026. — 80 с.

ISBN 978-5-0061-0446-4

Обычный рабочий день на советской станции превращается в кошмар, когда в модуле «Квант» вспыхивает экспериментальная кассета системы регенерации воздуха. Пожар потушен, дым рассеялся, датчики показывают чистую атмосферу. Но экипаж начинает видеть и слышать то, чего нет: силуэты в иллюминаторах, ритмичный стук за обшивкой, фантомные вибрации.

**УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)**

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN 978-5-0061-0446-4

© Ильмир Амиров, текст, 2026
© Bookstart (ООО «БУКАБУМ»), оформление, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Возгорание.....	5
Ликвидация	9
Период относительного покоя	13
Анализ угрозы	17
Протокол нулевого воздуха	21
Ресурсный контур.....	25
Разлом сознания	29
Модель и расхождение.....	33
Резонанс и обратная связь.....	37
Кризис и изоляция.....	41
Антиципация.....	47
Эффект коридора.....	51
Индукция состояния	55
Внешнее вмешательство	61
Ассимиляция	67
Интерфейс и императив	71
Деградация орбиты.....	77

ВОЗГОРАНИЕ

Воздух, пропущенный через фильтры БМПФ-2 и насыщенный озоном от «Электрона-В», имел привычный металлический привкус на языке — побочный эффект электролиза воды. Станция Мир дышала ровным гулом: мерное жужжание вентиляторов СВО, щелчки реле, периодический всплеск помех в УКВ-приемнике, ловящем голос ЦУПа.

Командир Олег Волков, закрепленный у пульта управления СУД, методично сверял показания телеметрии с бортовым журналом. Его взгляд скользил по циферблатам и графическим построителям. Это была векторная диаграмма ориентации и три потока данных: номинальный, предупредительный, аварийный.

В переходном туннеле, ведущем в «Квант-2», зависла Елена Орлова. Она фиксировала результаты эксперимента «Регенерат-3»: культура хлореллы в полимерном геле поглотила меньше углекислого газа, чем прогнозировала математическая модель. Расхождение было статистически незначимым, но оно существовало.

Из открытого люка модуля «Квант» доносился голос Алексея Карелина.

— Штепсельный разъём ШР-8М показывает сопротивление на контактах пять и семь. Падение напряжения.

— Теряем связь с спектрометром? — раздался из базового блока голос Джека Майклса.

— Теряем данные калибровки. Сам прибор жив. Здесь нужна пайка, Лена, — Карелин высунул голову из люка, его волосы, лишённые веса, образовали странный нимб.

— Через сорок минут, — отозвалась она, не отрываясь от планшета.

Томас Вернер, следивший за показаниями телескопа, снял наушники. В тишине модуля «Кристалл» стал отчётливо слышен другой звук — ритмичный, механический стук, исходящий из вентиляционной решётки. Он потер виски. Акустические иллюзии были частым спутником долгих вахт. Звук, рождённый в одном

модуле, мог странно резонировать в другом, порождая фантомные шумы.

В это время Дмитрий Соколов, чьё присутствие на борту было оговорено пунктом «специальные работы» в полётном задании, находился в зоне хранения модуля «Квант». Перед ним, закреплённая стяжками, лежала кассета системы «Воздух». Соколов подключил к её диагностическому порту портативный тестер. На экране поплыли зелёные столбцы цифр.

Волков закончил сверку. Всё было в пределах зелёного коридора. Станция, этот сложный агрегат из сфер, цилиндров и солнечных крыльев, плыла по орбите. Он оттолкнулся от пульта и поплыл к центральному посту, где висел план-график работ. В этот момент из динамика раздался гудок, срочный, рвущий рутину, сигнал СОС системы газового анализа.

— Концентрация монооксида углерода в секторе Б-4, — голос Волкова был спокоен, но в нём появилась сталь, — «Квант». Отчёт!

Карелин, ещё не вылезая из аппаратного отсека, крикнул в ответ:

— Визуального задымления нет!

Следующим сигналом был звук сработавшей термопары. На центральном пульте замигал красный индикатор температуры в том же секторе Б-4. Цифры поползли вверх: 30 °С, 35 °С, 40 °С.

— Пожарная тревога, — объявил Волков, и его палец нажал на крупную белую кнопку. По всей станции завывали сирены.

Из люка «Кванта» vyplыл Карелин. Его лицо было сосредоточено. За ним, из той же тёмной глубины, повалил дым. Густой, молочно-белый, с желтоватым оттенком. Дым образовывал причудливые, медленно расширяющиеся фрактальные сгустки, заполняя пространство с кошмарной, невесомой логикой. В глубине коридора, у панели 15, где располагался блок сменных кислородных генераторов, заматались оранжевые языки пламени. Они были невысокими, но яростными, и их свет отражался в запотевших стёклах приборов и расширенных в ужасе глазах Елены Орловой, застывшей в туннеле в нерешительности.

— Источник — кассета шестнадцать, экспериментальная, — доложил Соколов, выплывая из дыма. Его голос был монотонным, как у диктора, зачитывающего телеметрию.

Волков уже срывал со стены первый огнетушитель ОУ-2.

— Протокол восемь. Карелин, левый фланг. Орлова, приготовить резервные противогазы ИДА. Майклс, перекрой вентиляцию сектора Б-4. Вернер, доложи в ЦУП. Орлова! Очнись!

Дым уже достиг потолка базового блока, его прозрачные щупальца тянулись к вентиляционным решёткам. Станция начала заполняться чуждой, хаотичной субстанцией. Белый, едкий, порождённый горением полимерного связующего и химического наполнителя «шашки», он был материализованным сбоем. Первым актом драмы, логика которой ещё не была прописана в бортовых инструкциях.

ЛИКВИДАЦИЯ

П ротокол предусматривал точечное воздействие на очаг углекислотой при обязательном постоянном контроле состава атмосферы. Волков, зафиксировавшись ногами за поручень, направил раструб ОУ-2 в основание пламени. Снежная струя сжатой углекислоты, вырываясь с шипением, ударила в панель 15. Пламя дрогнуло, сжалось, но не погасло. Оранжевые языки отступили на мгновение, затем с новой силой принялись лизать обугленные края технологического люка кассеты 16.

— Давление в баллоне падает быстрее расчётного, — голос Карелина был напряжённым, но чётким. — СО держится на отметке 80. Идёт активное пиролизическое разложение обшивки.

Волков кивнул, не отводя раструба. Его мир сузился до показаний манометра на огнетушителе и контура пламени, колеблющегося в потоках искусственной вентиляции. Елена Орлова, надев ИДА, подавала ему второй огнетушитель. Её движения через маску были замедленными, будто под водой.

— Майклс, статус вентиляции, — бросил Волков.

— Заслонки сектора Б-4 закрыты. Переключаю СВО на режим аварийной фильтрации, — отозвался американец, его пальцы летали над клавишами пульта.

— Верифицируй. Вернер, канал связи с ЦУП?

— Канал открыт. Передаю телеметрию. Ответная задержка две минуты четырнадцать секунд.

Томас Вернер говорил, глядя на экран, где строки данных бежали вниз, как капли дождя по стеклу. Белый дым теперь заполнил весь объём «Кванта» и начал просачиваться в базовый блок через открытый люк. Частицы, подсвеченные аварийными светодиодами, образовывали сложные подвижные структуры — вихри, медленно вращающиеся тороиды. Они подчинялись законам турбулентности в замкнутом объёме с принудительной конвекцией.

Волков опустошил первый огнетушитель. Пламя уменьшилось, но тлеющая основа кассеты 16 продолжала выделять едкий белый газ. Он взял второй ОУ-2.

— Карелин, отойди на метр. Иду на длительную подачу.

Его палец снова нажал на рычаг. Струя ударила по центру очага. На этот раз реакция была иной. Пламя схлопнулось. Осталось лишь тёмное, обугленное пятно, из которого валил дым с уменьшающейся интенсивностью. На панели датчиков температура в секторе Б-4 начала медленное, неуклонное падение: 55 °С... 48 °С...

— Очаг локализован, — констатировал Волков. — Внимание на газовый состав.

Карелин, не отрывая глаз от дисплея ГИАП-М, читал показания:

— СО падает. Резкий скачок формальдегида и цианистого водорода. В пределах допустимого кратковременного воздействия, но факт. Фильтры БМПФ неэффективны против такой смеси.

В этот момент Елена Орлова, сняв маску ИДА, поднесла ладонь к лицу. Её кожа, влажная от пота, ощущала странное, почти электрическое покалывание. Она посмотрела на ладонь — обычная ладонь, с тонкими линиями, чуть покрасневшая от резиновых уплотнений маски.

— У меня тактильная иллюзия, — произнесла она тихо, но в наступившей тишине это прозвучало громко. — Ощущение холодной струи воздуха на тыльной стороне кисти. Вентиляция здесь отключена.

Все посмотрели на неё. Волков нахмурился.

— Стрессовая реакция. Контролируй самочувствие. Майклс, Вернер — доложить субъективные ощущения.

— Сухость в горле, лёгкое головокружение, — немедленно ответил Майклс.

— Шум в ушах. Непрерывный высокочастотный писк, — добавил Вернер, поправляя очки.

Дмитрий Соколов, всё это время молча наблюдавший с прибором «Контур-М» в руках, наконец заговорил.